

Отдельные методологические проблемы эволюции вины в гражданском праве

Аннотация. В статье отмечается, что в древних обществах началом ответственности была не вина, а причинение, когда вред или убытки возмещались потерпевшим (кредиторам) только в связи с их причинением, психическое отношение должника к своим действиям во внимание не принималось. Вина как психическое отношение субъекта к своему противоправному действию (бездействию) и наступившим последствиям появилась в связи с формированием в обществе индивидуалистического мировоззрения. С этого периода ответственность начинает основываться на началах вины. Происходит постепенное преодоление начала причинения. Впоследствии идеи индивидуализма стали терять свою привлекательность для общества, и начался процесс перехода от индивидуализма к коллективизму, что в вопросах ответственности нашло свое отражение в появлении безвиновной ответственности, когда возмещение убытков (вреда) осуществлялось не в связи с установлением наличия у субъекта некоего психического отношения к своему противоправному поведению, а за сам факт причинения вреда или убытков. В настоящее время в науке гражданского права уже нет той остроты в дискуссии о началах ответственности: и начало вины, и начало причинения признаны законодательством и судебной практикой. Можно утверждать, что начало причинения будет признаваться в еще больших объемах. В частности, с таких позиций, видимо, следует решить вопрос о возмещении вреда потерпевшему, причиненного объектом, управляемым искусственным интеллектом, это будет даже не безвиновная — как ответственность владельца источника повышенной опасности, а фактическая (безусловная) ответственность за сам факт причинения вреда.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; вина; причинение; индивидуализм; справедливость; социализация; юридическое лицо; добросовестность; презумпция виновности; презумпция добросовестности.

Для цитирования: Богданов Е. В. Отдельные методологические проблемы эволюции вины в гражданском праве // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 75–85. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.075-085.

Separate Methodological Problems of the Evolution of Guilt in Civil Law

Evgeniy V. Bogdanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics
Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997
bogdanov.de@yandex.ru

Abstract. The paper notes that in ancient societies, the responsibility did not start with guilt, but rather with infliction of harm, when harm or losses were compensated to victims (creditors) only in connection with this infliction, the debtor's mental attitude to his actions was not taken into account. Guilt as a mental attitude of the subject to their illegal action (inaction) and the ensuing consequences appeared in connection with the formation of an individualistic worldview in society. From this period on, responsibility begins to be based on the principles

© Богданов Е. В., 2023

* Богданов Евгений Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997
bogdanov.de@yandex.ru

of guilt. There is a gradual overcoming of fundamentals of the infliction of harm. Subsequently, the ideas of individualism began to lose their appeal to society and the process of transition from individualism to collectivism began. In matters of responsibility this was reflected in the emergence of strict liability, when compensation for losses (harm) was carried out not in connection with the establishment of a certain mental attitude of the subject to their illegal behavior, but for the very fact of causing harm or losses. Currently, in the science of civil law, there is no longer that urgency in the discussion about the principles of responsibility: both the fundamentals of guilt and the fundamentals of infliction of harm are recognized by legislation and judicial practice. It can be argued that the fundamentals of infliction of harm will be recognized in even greater volumes. In particular, from such positions, apparently, it is necessary to resolve the issue of compensation for damage to the victim caused by an object controlled by artificial intelligence, it will not even be strict, as the responsibility of the owner of the source of increased danger, but general (absolute) liability for the very fact of causing harm.

Keywords: civil liability; guilt; infliction; individualism; justice; socialization; legal entity; good faith; presumption of guilt; presumption of good faith.

Cite as: Bogdanov DE. Otdelnye metodologicheskie problemy evolyutsii viny v grazhdanskom prave [Separate Methodological Problems of the Evolution of Guilt in Civil Law]. *Lex russica*. 2023;76(4):75-85. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.075-085. (In Russ., abstract in Eng.).

Категория вины в той или иной интерпретации используется в законодательствах практически всех стран мира. Сутью ее является необходимость учета некоего психического отношения правонарушителя к своему поведению и соответствующим последствиям. Кроме целого ряда теоретических и практических проблем, связанных с пониманием и применением указанной категории, которые будут рассмотрены позднее, непонятным остается то, что во всех странах, казалось бы, весьма своеобразных, в том числе в религиозном плане (Индия, Древний Рим, Шумер и др.), древние общества пришли к пониманию необходимости учета психического отношения субъектов к своему противоправному поведению и соответствующим последствиям при применении к ним мер воздействия. И это произошло примерно в одно историческое время существования соответствующих стран. При этом анализ развития вины показывает, что с развитием общества вина как начало гражданско-правовой ответственности постоянно противоборствует с другим, более древним началом ответственности — началом причинения. Борьба эта шла с переменным успехом: то начало причинения становилось господствующим основанием ответственности, то начало вины, казалось бы, полностью вытесняло начало причинения. В настоящее время оба названных начала ответственности признаны российским гражданским законодательством и судебной практикой. И даже трудно сделать вывод о преимуществах того или иного основания. Скорее всего, пока

некоторое преимущество на стороне начала вины, но вполне вероятно, что и начало причинения, как наиболее приемлемое не только для потерпевшего (кредитора), но и для общества, в силу своей социальной направленности будет востребованным и далее. Очевидно, что все метаморфозы, происходящие как с пониманием вины, так и с наличием двух противоборствующих начал ответственности (вины и причинения), обусловлены какими-то закономерностями развития человеческой цивилизации. Исследование данных закономерностей позволит дать ответ не только на вопрос, какие метаморфозы в общественном развитии обусловили появление вины, но и на вопрос, как происходило дальнейшее развитие вины и причинения и, наконец, каких изменений можно ожидать в будущем.

В первобытном обществе, вначале существовавшем на основе природного коллективизма, применение мер ответственности к отдельным членам общества не носило индивидуального характера. У них и счастье, и несчастье было делом общим¹. Потому-то и ответственность основывалась на принципе коллективной ответственности. Меры воздействия применялись не в связи с тем, как субъект относился к содеянному, а в соответствии со сложившимися в обществе обычаями, и потому в плане ответственности своеобразно господствовал принцип причинения: причинитель вреда мог и не привлекаться к ответственности, отвечало само общество либо кто-то из его членов. Впоследствии, по мере ослабления коллективной ответ-

¹ См.: Прокопий Кесарийский о славянах и антах, VI в. // Хрестоматия по истории России : учебное пособие. М. : Проспект, 2012. С. 6.

ственности, люди начинают вникать в мотивировку действий, различать их умышленный и неумышленный характер, приближаться к пониманию индивидуальной вины².

Индивидуальный подход стал заметнее проявляться по мере развития процесса обособления членов первобытного общества от родового коллектива, то есть индивидуализации членов общества. За различные правонарушения, в том числе за убийство, устанавливались определенные размеры компенсационных выплат, что привело к тому, что древний человек столкнулся с необходимостью знать себе цену³. В дальнейшем, с разделением труда, появлением лиц, обладающих большими объемами имущества, индивидуализация в древних обществах стала интенсивно развиваться. Начался процесс трансформации мировоззрения древних людей: от природного коллективизма к индивидуализму⁴. Естественно, что одновременно трансформировалось и мировоззрение членов общества. Следствием данных процессов было постепенное приближение древних обществ и их членов к пониманию индивидуальной вины. Однако само представление о вине складывается в смысле внешней причинной связи⁵, то есть, по сути, в качестве одного из начал ответственности по-прежнему имеет место не виновность, а причинение.

Содержание индивидуализма проявляется в том, что человек в своих намерениях, действиях и т.д. ориентируется на самого себя, на свои интересы, представления. Благодаря индивидуализму, человек воспринимает себя как уникальную ценность со своими потребностями, противостоящими общественным интересам⁶. Однако этот же человек уже не желал, чтобы его привлекали к ответственности тогда, когда он субъективно был как бы «ни при чем». Соответственно, и общество пришло к необходимости учитывать интересы и настроения индивидов, их субъективное отношение к своим действиям и соответствующим последствиям

в случае привлечения их к ответственности, которая под влиянием индивидуализма существенно изменилась. «Ответственность, в противоположность старому праву, была поставлена в зависимость от субъективных условий: умысла (*dolus*), нерадения (*culpa*); присутствие этих условий на стороне одного из тяжущихся определяло степень его ответственности»⁷.

Однако хотя индивидуализм и был длительное время основным направлением трансформации мировоззрения как в древних, так и в цивилизованных обществах, тем не менее появлялись и другие направления развития общества, что обуславливалось целым рядом отрицательных характеристик индивидуализма, проникающих уже в право, с которыми общество не желало мириться. В литературе отмечается, что задачей права как социального феномена, согласно индивидуалистическим воззрениям, парадоксальным образом является разрушение социального, то есть разрыв всех связей между людьми с целью создать общность неподвижно стоящих рядом друг с другом свободных индивидов⁸. Всё это вело к разрушению общества, с чем оно не могло согласиться, поскольку для дальнейшего развития общества требовалась консолидация его членов.

Общества стали социализироваться, что нашло отражение как в законодательстве, так и в судебной практике. Вот как на этот счет высказался С. А. Муромцев применительно к Древнему Риму: «Судебная практика получила возможность видоизменять и развивать пределы ответственности, сообразно последовательному росту чувства справедливости в обществе»⁹. Последовательный рост чувства справедливости в Древнем Риме свидетельствовал о социализации общества и, соответственно, древнего права. Правда, нельзя забывать о специфике Древнего Рима: отношение к рабам как к «говорящим орудиям» исключало полностью какую-либо справедливость в

² Философия права. Курс лекций : учебное пособие : в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко, М. : Проспект, 2011. Т. 1. С. 132.

³ Философия права. Курс лекций. С. 132.

⁴ Подробнее см.: Богданов Е. В. Идеи индивидуализма, коллективизма, капитализма в современном гражданском праве России // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 80–97.

⁵ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М. : Статут, 2003. С. 203.

⁶ Философия права. Курс лекций. С. 363.

⁷ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 477.

⁸ Радбрух Г. Философия права : пер. с нем. М. : Международные отношения, 2004. С. 76.

⁹ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 477.

отношении их, да и о социализации общества и права в этих условиях можно говорить весьма условно. Идеи справедливости с течением времени всё объемней и содержательней стали корректировать сложившиеся на основе индивидуализма постулаты гражданско-правовой ответственности, что стало проявляться, в частности, в замене начала вины на начало причинения. А. Г. Гойхбарг утверждал, что ответственность за причинение вреда по ГК РСФСР 1922 г. строилась на социальном начале причинения, а не на индивидуальном начале вины¹⁰. В этом положении А. Г. Гойхбарг очень четко охарактеризовал два начала ответственности: с одной стороны — вина как следствие индивидуализма, с другой — причинение как результат социализации ответственности.

На связь справедливости и социализации совершенно верно указал Д. Е. Богданов. По мнению данного автора, чем более справедливость проникает в законодательство и правоприменительную практику, тем более социализируется гражданско-правовая ответственность, она становится всё более гуманной¹¹.

Необходимость учета субъективного отношения правонарушителя к своим действиям — и следовательно, виновности лица — выдержала проверку в течение тысячелетий. Однако в последнее время произошла некоторая подмена понятия вины в гражданском праве, поскольку теперь психическое отношение субъекта к своему противоправному действию и наступившим результатам стали подменять так называемой объективистской, или поведенческой, виной посредством учета не субъективных признаков виновности, а объективных. В известной мере произошел возврат к прошлому, когда полагали, что нет вины, если соблюдено всё, что требовалось¹², а убытки должны быть возмещены, поскольку они причинены. По мнению ряда современных исследователей — сторонников новой концепции вины, вина представляет собой неприятие мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения¹³. Сторонники поведен-

ческой вины основывают свой вывод на толковании п. 1 ст. 401 ГК РФ, согласно которому лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Прежде всего, радует то, что от самого термина «вина» сторонники поведенческой концепции не отказались, но вину они стали трактовать по-своему: не как психическое отношение субъекта к своим противоправным действиям и наступившим последствиям, а как оценку судом поведения субъекта на предмет того, всё ли он сделал, чтобы обязательство было исполнено надлежащим образом. Следует подчеркнуть, что субъективную концепцию вины в гражданском праве, например, М. И. Брагинский отрицал, в частности потому, что она, являясь уголовно-правовой конструкцией, усиленно насаждалась в цивилистике¹⁴. Однако это не так, во всяком случае, названный автор не указал на тех лиц, что «усиленно насаждали», а должен был это сделать. Кроме того, проведенное выше исследование о причине появления вины даже на уровне древних обществ показывает, что вина с определенного момента как в гражданском праве, так и в уголовном праве понималась как психическое отношение субъектов к своим противоправным действиям, и такой вид она приняла исключительно в связи с развитием индивидуализма в обществе. Если следовать терминологии М. И. Брагинского, то именно индивидуализм и «насаждал» существующее поныне понимание вины, и кстати, продолжает «насаждать», поскольку понимание вины именно как психическое отношение субъекта к своим противоправным действиям является в науке гражданского права преобладающим во многих странах мира, несмотря на прошедшие тысячелетия. Очевидно, в этом нашло проявление одно из позитивных качеств индивидуализма.

В то же время, как бы не пытались сторонники концепции поведенческой вины обос-

¹⁰ Гойхбарг А. Г. *Хозяйственное право РСФСР*. М., 1923. С. 174.

¹¹ Богданов Д. Е. *Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект* : монография. М. : Проспект, 2015. С. 3.

¹² Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М. : Юрист. 1997. С. 349.

¹³ См., например: Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Договорное право. Общие положения*. М., 1998. С. 582 ; *Гражданское право : учебник* : в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М., 2000. Т. 1. С. 449.

¹⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Указ. соч.* С. 582.

новать свою позицию ссылками на п. 1 ст. 401 ГК РФ, правила данной нормы могут иметь иное толкование. Так, Е. Е. Богданова предлагает осуществить с данной нормой следующую манипуляцию: в ч. 1 ст. 401 ГК РФ категорию «вина» заменить категорией «добросовестность», и в результате будет получена норма следующего содержания: лицо признается добросовестным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства¹⁵.

Таким образом, идет речь о таком поведении субъекта, которое должно учитывать права и законные интересы другой стороны правоотношения и содействовать ей. Однако, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда России в п. 1 постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁶, при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей.

В связи с изложенным представляется, что исследователи согласятся: в п. 1 ст. 401 ГК РФ в действительности говорится не только о вине, но и о добросовестности, таким образом, одно и то же поведение субъекта обозначено различными понятиями. И это не только правовая, но и логическая ошибка. Если, как полагают сторонники объективистской вины, вина является объективной категорией, то и добросовестность также представляет собой объективную категорию. Не заблудилась ли российская цивилистика даже не в трех, а в двух соснах? В данном случае есть еще одна весьма сложная проблема. Дело в том, что в отношении вины в гражданском праве действует презумпция виновности (п. 2 ст. 401 ГК РФ), а в отношении добросовестности, наоборот, — презумпция добросовестности (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Как уже отмечалось, и виновность, и добросовестность характеризуют поведение лица при исполнении им своих обязательств, и если они обе являются

объективными, то как они могут существовать одновременно? В том, что такая проблема существует, можно убедиться при анализе ч. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. Если исходить из того, что указанное правило предусматривает возможность доказательства должником своей невиновности, ему следует доказать, что он принял все меры, необходимые для исполнения своего обязательства, при известной степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота. Следует подчеркнуть, что всё это субъект должен доказать, чтобы исключить презумпцию своей вины. Однако если исходить из того, что в ч. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ говорится о добросовестности, а по тексту данной нормы такой вывод является вполне достоверным, то соответствующий субъект является изначально добросовестным и он ничего не обязан доказывать в силу презумпции добросовестности: предполагается, что он выполнил всё необходимое для исполнения обязательства надлежащим образом. Доказывать его недобросовестность, то есть что субъект не принял соответствующих мер для надлежащего исполнения обязательства, будет другая сторона правоотношения. Таким образом, часть 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ легализовала одновременное существование и даже конкуренцию невиновности с добросовестностью, а недобросовестности с виновностью.

Сторонники «поведенческой» концепции вины доказывают, что в ч. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ нет указаний на психическое отношение субъекта к своим противоправным действиям и наступившим последствиям, и потому его виновность или невиновность должна определяться через объективные, а не субъективные признаки. Но так ли это? Если субъект принимает (или не принимает) необходимые меры для надлежащего исполнения обязательства, он что, не осознает характера своих действий (бездействия) и действует в качестве бессознательного предмета? Однако и действие, и бездействие — это акты поведения, исходящие из определенных мотивов и направленные на определенную цель¹⁷. Всё это просто невозможно без участия сознания, психики. Поэтому, принимая или не

¹⁵ Богданова Е. Е. Проблемы рецепции зарубежных правовых норм и конструкций в российском обязательственном праве // Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / под ред. Е. Е. Богдановой. М. : Проспект, 2018. С. 35.

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2006. Т. 1. С. 183.

принимая меры для надлежащего исполнения обязательства, субъект относится к этому психически, следовательно, часть 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ предусматривает не что иное, как психическое отношение субъекта к своему противоправному поведению и соответствующим результатам. Кроме того, сторонники поведенческой вины, отрицая психическое отношение субъектов к своим действиям и тем самым декларируя данные действия как не вытекающие из их сознательной деятельности, оказываются в логической ловушке. Ведь речь идет об исполнении должником своих обязанностей, вытекающих из договора, заключенного между кредитором и должником. Однако договором признается соглашение двух или нескольких субъектов об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, и всё это просто невозможно без сознательной деятельности. Поэтому исследователям, отрицающим психическое отношение субъектов к своим противоправным действиям при исполнении договорных обязанностей, придется отрицать и сознательный характер участников гражданского оборота при заключении договора. Или наоборот, признавая договор как результат сознательных действий, волей-неволей придется признавать сознательными действиями и всё то, что связано с исполнением договорных обязанностей. Наконец, двусторонний договор — это всегда сделка, следовательно, к договору может быть применен целый ряд норм, регулирующих сделки, например ст. 178 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения; ст. 179 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, и др. Как это всё возможно осуществить при отказе от трактовки действий сторон договора как сознательных? Таким образом, и в данном случае сторонники поведенческой вины попадают в логическую ошибку.

В качестве еще одного довода в пользу отказа от понимания вины как психического явления приводится специфика правового положения юридического лица, которое просто по определению не может обладать какой-либо психикой (и потому ряд цивилистов чувствуют

себя как-то не вполне комфортно). Но поскольку современный гражданский оборот пока не обходится без участия юридических лиц, решение было найдено следующее: при конструировании ответственности, прежде всего коммерческих юридических лиц (а также индивидуальных предпринимателей), по общему правилу отказаться от учета психического фактора (п. 3 ст. 401 ГК РФ) (выше было показано, что этого не произошло). В литературе такое решение часто обуславливается тем, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, как коммерческие, так и в ряде случаев некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели, являются специалистами в своей сфере деятельности и потому должны более строго отвечать за свое поведение. Во внимание следует принимать лишь отношение указанных лиц к исполнению своих обязанностей (ч. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ). Такую конструкцию некоторые авторы стали рассматривать как «объективистскую» («поведенческую») вину, другие — как безвиновную ответственность.

Проблеме сущности юридического лица было посвящено множество исследований, однако данная проблема так и не была разрешена удовлетворительным образом. На наш взгляд, причиной этого явилось то, что было изначально избрано ошибочное философское направление — антропоморфизм. По мнению философов, антропоморфизм возникает как первоначальная форма мировоззрения, присущая мифу на ранних ступенях развития общества¹⁸. Это одно из самых ранних идеалистических учений в философии, может быть, самое раннее. Древние люди очеловечивали самые различные природные и социальные объекты, но юристы вслед за древними людьми мифологизировали, очеловечили конструкцию юридического лица и наделили его субъектностью, так же как и человека¹⁹. Однако с идеалистических позиций невозможно получить правильное решение научной проблемы, поскольку идеализм дает неадекватную (искаженную) картину мира²⁰. И в этой связи следует согласиться с В. М. Сырых в том, что движение российского правоведения вперед, к новым научным открытиям может лежать только на путях

¹⁸ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 33.

¹⁹ Подробнее см.: Богданов Е. В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. 2011. № 11. С. 89–94.

²⁰ Диалектический материализм : учебное пособие / под ред. А. П. Шептулина. М. : Высшая школа, 1975. С. 10–13.

материализма и научного (диалектического) анализа права²¹.

Правда, сторонники антропоморфной концепции о ряде моментов умалчивают, например, если нет психики, значит, нет и воли, нет и целеполагания и др., но как в таком случае юридическое лицо будет совершать сделки, изъявлять свою волю и т.д. То есть юридическое лицо следует исключить вообще из гражданского оборота, а заодно из того, чтобы юридическое лицо могло бы нести гражданско-правовую ответственность. Так что, тупик?

Коренной ошибкой применительно к юридическому лицу было желание создать некоего нового (помимо человека) субъекта права. Уж очень хотелось переложить на нового субъекта всю ответственность за действия людей, если так можно выразиться, создать буфер между кредиторами и участниками юридического лица.

Юридическое лицо — это правовая конструкция, правовой инструмент. И совершенно справедливо, что оно не может обладать ни психикой, ни волей, ни целеполаганием и др. Волей могут обладать только люди. В конечном итоге договоры, исковые заявления, отзывы на иск и др. подписывают конкретные люди. И потому в гражданском обороте не только проверяют правоустанавливающие документы юридического лица, но и (весьма придирчиво, в частности, нотариусы) документы физических лиц, представляющих юридическое лицо²², на предмет их дееспособности. Отвечать за юридическое лицо должны лица физические, представляющие в обороте юридическое лицо. В этом случае никаких проблем с психическим отношением правонарушителей не будет, как не будет и необходимости в концепции «поведенческой» вины. Ну а то, что в литературе на этот счет высказываются сомнения в том плане, что это сделать весьма сложно, — это просто отговорка. Сложно не означает невозможно. Здесь просто проявляется желание любыми способами оставить буфер между кредиторами и физическими лицами — участниками юридического лица, представляющими данное юридическое лицо. Наконец, психикой не обладают не только коммерческие организации, но и некоммерческие юридические лица, в том числе при осуществлении предприниматель-

ской деятельности. Почему бы не установить для всех юридических лиц, как коммерческих, так и некоммерческих, по общему правилу безвиновную ответственность. Что касается ожидаемого вопроса о назначении в таком случае юридических лиц, ответ таков: назначением юридических лиц будет, например, концентрация имущества, капитала, а может быть, и какие-то другие функции, но это должно быть предметом специального исследования.

Социализация общественной жизни существенным образом повлияла на судьбу индивидуализма, что в вопросах ответственности нашло свое выражение в том, что в некоторых случаях общество начало отказываться от использования вины, в праве появился институт безвиновной ответственности, когда наличие вины как психического отношения субъекта к своим противоправным действиям уже не являлось одним из начал ответственности. Важно только установить, было ли причинение убытков или вреда связано с действиями соответствующего лица. В настоящее время безвиновная ответственность предусматривается статьями 401, 405, 1070, 1079, 1095, 1110, 1104 ГК РФ. Особый интерес представляет содержание ст. 401. В части 1 п. 1 ст. 401 в качестве начала ответственности по общему правилу предусмотрен принцип вины. Однако законом или договором будут предусмотрены иные основания ответственности, то есть ответственность может законом или договором конструироваться на началах причинения.

Еще больший интерес представляют правила п. 3 ст. 401, предусматривающие начала ответственности субъектов в сфере предпринимательской деятельности. Согласно указанным правилам началом ответственности по общему правилу является причинение. Пределом ответственности в этом случае является непреодолимая сила. Однако законом или договором в качестве начала ответственности может быть установлен принцип вины. Мотивы введения виновной ответственности законом могут быть самые различные, например чрезвычайная зависимость деятельности одного из контрагентов от погодных явлений. Так, согласно ст. 538 ГК РФ, производитель сельскохозяйственной продукции, не исполнивший либо ненадлежащим об-

²¹ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2004. Т. 1 : Элементный состав. С. 272.

²² Подробнее см.: Богданов Е. В. Правовое положение органа юридического лица // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 108–113.

разом исполнивший обязательство, несет ответственность при наличии его вины. Естественно, что погодный фактор для сельского хозяйства и сейчас, и в обозримом будущем крайне важен, и не учитывать его нельзя. Было бы просто несправедливо конструировать ответственность по договору контрактации для производителя сельскохозяйственной продукции и для заготовителя на началах причинения. Поэтому законодатель в законе установил виновную ответственность для производителя и, наоборот, на началах причинения для заготовителя.

Следует отметить, что пункт 3 ст. 401 ГК РФ позволяет сторонам договора перейти от начал причинения убытков к началам вины. Данное положение вытекает из принципа свободы договора. Интересным является в данном случае то обстоятельство, что в результате эволюции гражданско-правовой ответственности на основе начал справедливости участники гражданского оборота получили возможность свободно маневрировать началами ответственности, определяя ее на началах вины или на началах причинения.

Правила ст. 1073, 1076, 1078 ГК РФ предусматривают возможность возлагать ответственность за причинителя вреда на других лиц. Так, согласно ст. 1073, за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим 14 лет, отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред причинен не по их вине. В данном случае вред причинен не то чтобы невиновным, малолетний ребенок в этой ситуации вообще не является субъектом ответственности. Возмещение вреда возложено на других лиц, при условии наличия в причинении вреда их собственной вины. Еще больший интерес представляют правила ст. 1078, согласно которым дееспособный гражданин или несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, причинивший вред в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими, не отвечает за причиненный им вред. В данном случае не усматривается наличие какого-либо психического отношения причинителя вреда к своему действию, следовательно, нет вины, нет и ответственности.

Однако иное решение сформулировано в ч. 2 п. 1 ст. 1078 на случай причинения вреда указанным выше лицом жизни или здоровью потерпевшего. В этой ситуации возникла сво-

его рода юридическая драма: с одной стороны, вред причинен невиновным лицом, с другой стороны, вред причинен жизни или здоровью потерпевшего, который может оказаться без средств к существованию. Что будет более справедливым: освободить причинителя вреда от возмещения вреда в связи с его невиновностью или с учетом того, что вред причинен конкретным лицом, пусть даже и невиновным, возложить на причинителя вреда обязанность по его возмещению потерпевшему? То есть какому началу отдать предпочтение: принципу вины или принципу причинения? Законодатель избрал начало причинения, правильно посчитав его более справедливым в данной ситуации. Согласно ч. 2 п. 1 ст. 1078, суд вправе с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств возложить обязанность по возмещению вреда полностью или частично на причинителя вреда.

Представляют интерес также правила ст. 1095 и 1096 ГК РФ по поводу возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг. Указанный вред подлежит возмещению продавцом или изготовителем соответствующего товара по выбору потерпевшего. Поскольку речь идет о недостатках товара, возникших вследствие конструктивных, рецептурных или иных нарушений, естественным является вывод, что они произошли в хозяйственной сфере производителя. Поэтому в данном случае будет справедливым рассмотрение вопроса на предмет наличия убытков, противоправности производителя и причинной связи. В связи с тем что производитель осуществляет предпринимательскую деятельность, его ответственность по общему правилу является безвиновной (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Однако в интересах потребителей им также была предоставлена возможность обращения к продавцу с требованием о возмещении убытков, но продавец, скорее всего, никакого отношения к недостаткам товара не имел — и тем не менее он также будет отвечать перед покупателем. Получается, что продавец отвечает перед потерпевшим постольку, поскольку потерпевшему был причинен вред (начало причинения). В известной степени подобная ситуация напоминает так называемую абсолютную (безусловную) ответственность²³.

²³ Варкалло В. Об ответственности по гражданскому праву (возмещение вреда — функции, виды, границы) : пер. с польского / под ред. и с вступ. ст. С. Н. Братуся. М. : Прогресс, 1978. С. 183.

Таким образом, дискуссия в науке гражданского права о началах ответственности — вины или причинения — потеряла свою остроту. Теперь этот вопрос разрешил не только законодатель, как это вытекает, например, из ст. 401 ГК РФ, когда в соответствии с п. 1 указанной нормы приоритетным признано начало вины, а согласно п. 3 этой же нормы приоритетным началом является причинение. Однако этот вопрос может быть разрешен и участниками гражданского оборота, поскольку согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ они вправе предусмотреть иные основания, то есть начала ответственности. Иначе говоря, перейти от начала вины к началу причинения. Противоположная ситуация предусмотрена пунктом 3 ст. 401 для субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. По общему правилу ответственность для указанных субъектов основывается на начале причинения (до непреодолимой силы), однако они могут договором предусмотреть начало вины.

Вопрос об изменении начал ответственности может быть разрешен и судом. Так, согласно п. 3 ст. 1076, п. 1 ст. 1973 и др. ГК РФ, суд может возложить обязанность по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, на невиновного причинителя вреда, то есть перейти от начала вины к началу причинения.

Возникает вопрос: каким образом можно объяснить с позиции индивидуализма ответственное развитие в XX в. сферы безвиновной ответственности, что предполагает отказ от учета психического отношения субъекта к своим противоправным действиям; установление абсолютной (безусловной) ответственности, когда ответственность наступает, по сути, за сам факт причинения вреда или убытков; канализирование ответственности, когда к ответственности привлекается исключительно лицо, указанное в нормативном акте, независимо от того, причинен ли вред им самим или другим лицом, и др.? Ответ заключается в том, что произошел существенный разрыв традиционного права с индивидуализмом²⁴, который стал терять свою

привлекательность в обществе, что обусловило постепенную замену индивидуализма коллективизмом и, соответственно, интенсификацию социализации общества. Социализация и дальше будет ставить перед наукой гражданского права вопросы, на которые необходимы соответствующие ответы. В настоящее время приобретает особую актуальность проблема оснований ответственности за вред, причиненный механизмами, например автомобилем, управляемым искусственным интеллектом. В литературе высказано суждение, что такой автомобиль следует отнести к источникам повышенной опасности с тем, чтобы возмещение вреда осуществлялось по правилам ст. 1079 ГК РФ²⁵.

Такой подход представляется спорным, поскольку уравнивает автомобиль, управляемый человеком, с автомобилем, управляемым искусственным интеллектом. Однако повышенная опасность автомобиля по общему правилу заключается только в том, что при движении появляется высокая кинетическая энергия, вследствие чего для торможения автомобиля требуется соответствующий тормозной путь. Опасность же автомобиля, управляемого искусственным интеллектом, заключается в том, что искусственный интеллект может избрать (по самым различным причинам) не лучший вариант машинной операции, что содержится в его программе. Поэтому такой автомобиль будет представлять для окружающих не повышенную, а особую опасность, и ответственность должна будет наступать для соответствующих лиц за сам факт причинения вреда. Это будет фактическая ответственность, напоминающая абсолютную (безусловную) ответственность. В этой связи ГК РФ следует дополнить специальной нормой — статьей 1079.1. Такое решение вопроса будет стимулировать разработчиков, производителей, программистов и др. лиц, занятых разработкой и эксплуатацией устройств с искусственным интеллектом, к максимальной осторожности при выполнении соответствующих работ. Видимо, здесь потребуются установление для всех указанных лиц солидарной ответственности перед потерпевшим.

²⁴ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 51.

²⁵ Сеницын С. А., Нанба С. Б. Правовое регулирование искусственного интеллекта: состояние и перспективы // Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М. : Норма : ИзисП, 2022. С. 175.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. — 2-е изд. — М., 1998. — 624 с.
2. Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект : монография. — М. : Проспект, 2015. — 304 с.
3. Богданов Е. В. Идеи индивидуализма, коллективизма, капитализма в современном гражданском праве России // Журнал российского права. — 2021. — № 12. — С. 80–97.
4. Богданов Е. В. Правовое положение органа юридического лица // Журнал российского права. — 2001. — № 3. — С. 108–113.
5. Богданов Е. В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. — 2011. — № 11. — С. 89–94.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — М., 1998. — 682 с.
7. Варкалло В. Об ответственности по гражданскому праву (возмещение вреда — функции, виды, границы) : пер. с польск. / под ред. и с вступ. ст. С. Н. Братуся. — М. : Прогресс, 1978. — 327 с.
8. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. — М., 2000. — 511 с.
9. Диалектический материализм : учебное пособие / под ред. А. П. Шептулина. — М. : Высшая школа, 1975. — 328 с.
10. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. — М. : Статут, 2003. — 685 с.
11. Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. — М. : Статут, 2006. — 460 с.
12. Прокопий Кесарийский о славянах и антах, VI в. // Хрестоматия по истории России : учебное пособие. — М. : Проспект, 2012.
13. Радбрух Г. Философия права : пер. с нем. — М. : Международные отношения, 2004. — 240 с.
14. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / под ред. Е. Е. Богдановой. — М. : Проспект, 2018. — 416 с.
15. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. — М. : Юрист, 1997. — 544 с.
16. Сеницын С. А., Нанба С. Б. Правовое регулирование искусственного интеллекта: состояние и перспективы // Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. — М. : Норма : ИЗиСП, 2022. — С. 160–176.
17. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1 : Элементный состав. — 2-е изд. — М. : Юстицинформ, 2004. — 528 с.
18. Философия права. Курс лекций : учебное пособие : в 2 т. Т. 1 / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Проспект, 2011. — 552 с.
19. Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — 840 с.

Материал поступил в редакцию 10 января 2023 г.

REFERENCES

1. Berman GJ. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [The Western tradition of law: The epoch of formation]. Trans. from English, 2nd ed. Moscow, 1998. (In Russ.).
2. Bogdanov DE. Evolyutsiya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti s pozitsii spravedlivosti: sravnitel'no-pravovoy aspekt: monografiya. [Evolution of civil liability from the standpoint of justice: comparative legal aspect. A monograph]. Moscow: Prospekt Publ; 2015. (In Russ.).
3. Bogdanov EV. Idei individualizma, kollektivizma, kapitalizma v sovremennom grazhdanskom prave Rossii [Ideas of individualism, collectivism, capitalism in modern civil law of Russia]. Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]. 2021;12:80-97. (In Russ.).
4. Bogdanov EV. Pravovoe polozhenie organa yuridicheskogo litsa [The legal status of the body of a legal entity]. Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]. 2001;3:108-113. (In Russ.).
5. Bogdanov EV. Problema sushchnosti yuridicheskogo litsa [The problem of the essence of a legal entity]. Sovremennoe pravo [Modern law]. 2011;11:89-98. (In Russ.).

6. Bogdanova EE. Problemy retseptsii zarubezhnykh pravovykh norm i konstruktsiy v rossiyskom obyazatelstvennom prave [Problems of reception of foreign legal norms and constructions in the Russian law of obligations]. In: Bogdanova EE, editor. Reforma obyazatelstvennogo prava Rossii: problemy i perspektivy: monografiya [Reform of the law of obligations of Russia: Problems and prospects. A monograph]. Moscow: Prospect Publ.; 2018. (In Russ.).
7. Braginskiy MI, Vitryanskiy VV. Dogovornoe pravo: Obshchie polozheniya [Contract law: General provisions]. Moscow; 1998. (In Russ.).
8. Varkallo V. Ob otvetstvennosti po grazhdanskomu pravu (vozmeshchenie vreda — funktsii, vidy, granitsy) [On liability under civil law (compensation for damage — functions, types, boundaries)]. Trans. from Polish. An introductory article by Bratus SN. Moscow: Progress Publ.; 1978. (In Russ.).
9. Sukhanov EA, editor. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. [Civil Law: A textbook. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow; 2000. (In Russ.).
10. Sheptulin AP, editor. Dialekticheskiy materializm: uchebnoe posobie [Dialectical materialism: A textbook]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1975. (In Russ.).
11. Muromtsev SA. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima [Civil law of Ancient Rome]. Moscow: Statut Publ.; 2003. (In Russ.).
12. Novitskiy IB. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. [Selected works on civil law: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2006. (In Russ.).
13. Prokopiyy kesariyskiy o slavyanakh i antakh, VI v. [Procopius of Caesarea on the Slavs and the Ants, 6th century]. In: Khrestomatiya po istorii Rossii: uchebnoe posobie [Anthology on the history of Russia: A study guide]. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. (In Russ.).
14. Radbruch G. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Trans. from German. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2004. (In Russ.).
15. Novitskiy IB, Pereterskiy IS, editors. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik [Roman Private Law: A textbook]. Moscow: Yurist Publ.; 1997. (In Russ.).
16. Sinitsyn SA, Naiba SB. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: sostoyanie i perspektivy [Legal regulation of artificial intelligence: State and prospects]. In: Kucherov II, Sinitsyn SA, editors. Tsifrovaya ekonomika: aktualnye napravleniya pravovogo regulirovaniya: nauchno-prakticheskoe posobie [Digital economy: Current directions of legal regulation. A scientific and practical guidelines]. Moscow: Norma: IZiSP Publ.; 2022. (In Russ.).
17. Syrykh VM. Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava: v 2 t. [Logical foundations of the general theory of law: in 2 vol.]. Vol. 1. Elementnyy sostav [Elemental analysis]. 2nd ed. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2004. (In Russ.).
18. Marchenko MN, editor. Filosofiya prava: kurs lektsiy: uchebnoe posobie: v 2 t. [Philosophy of Law: A course of lectures. A textbook in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).
19. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow; 1989. (In Russ.).